

ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В СЕМЬЯХ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

TRANSGENERATIONAL RELATIONS IN THE FAMILIES OF PERSONS BORN IN TIME OF WAR

E. Tinkova
Ju. Katilevskaya
M. Nosenko

Summary. Research of the transgenerational relations is an important component of the psychological examination, which allows to identify many psychological difficulties of people.

Parents' and environment influence on child's development as well as family history are significant factors able to change psychological, physical and social life of a human.

Transgenerational reproduction in the families of persons born in time of war has similar features characterized by the complex of psychological and psychophysiological peculiarities which both persons born in time of war and their descendants possess.

Endured in childhood traumatic war experience which was not treated emotionally and stayed nonconscious, influenced intrafamilial relationships of the next generations.

Keywords: transgenerational relations, descendants, persons born in time of war, family history, nonconscious traumas, a higher sense of responsibility, psychophysiology.

Тинькова Елена Львовна

*Д.б.н., доцент, ГБОУ ВО «Ставропольский
государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, Россия
tinkovae@mail.ru*

Катилевская Юлия Александровна

*К.п.н., доцент, ГБОУ ВО «Ставропольский
государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, Россия
za_yulia@mail.ru*

Носенко Мария Александровна

*К.б.н., Преподаватель, ФГКОУ « »,
г. Ставрополь, Россия
tashazest@yandex.ru*

Аннотация. Изучение трансгенерационных связей — важный компонент психологического обследования, позволяющий выявить многие психологические проблемы людей.

Влияние родителей и окружения на развитие ребенка, а также семейная история являются серьезными факторами, способными изменить психическую, физическую и социальную жизнь человека.

Трансгенерационная передача в семьях детей войны имеет сходные черты, характеризующиеся комплексом психологических и психофизиологических особенностей, как у самих детей войны, так и у их потомков. Пережитый в детстве травматический опыт войны, который эмоционально не был обработан и остался бессознательным оказал влияние на внутрисемейные отношения последующих поколений.

Результаты проведенных исследований позволяют судить об определенных закономерностях. Так в памяти детей войны наиболее яркие впечатления связаны с событиями, имеющими высокую эмоциональную заряженность и непосредственно относящимися к этим детям.

Ключевые слова: трансгенерационные связи, потомки, дети войны, семейная история, бессознательные травмы, гиперответственность, психофизиология.

Введение

В последние годы психологи все чаще и чаще обращают свое внимание на то, что трансгенерационная передача семейных сценариев играет значительную роль в жизни «новых» членов семьи, независимо от того успели ли они застать предыдущие поколения и получить информацию «из рук в руки», или трансляция семейной истории произошла на бессознательном уровне, после ухода предыдущих поколений.

Специалисты отмечают, что в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе и в России, семья

имеет мощный социальный заряд, в соответствии с которым индивид выстраивает свою жизнь и определяет свою идентичность. Этот факт во многом связан с тем, что многочисленные военные действия на протяжении веков сопровождали жизнь людей, населяющих эти страны [1, 2].

В этой связи интерес к особенностям семейных историй и основных сценариев семей, переживших военные действия, остается важным вопросом для понимания психических и психофизиологических особенностей не только членов этих семей, но и социальных групп, населяющих определенные территории.

Наша страна понесла огромные потери в период Великой Отечественной войны, практически в каждой семье есть своя история, связанная с этим периодом. Для оценки психологического статуса современного человека, понимания его действий и основы переживаний необходимо осмыслить, что является базовой семейной составляющей его психологического пространства. В этой связи нами проведены исследования психологического и психофизиологического характера среди детей войны и их потомков, которые позволили установить определенные закономерности психологического состояния и психофизиологических параметров этих семей.

Материалы и методы

Исследования проводились среди 20 человек, которые в период войны были детьми (1934–1941 гг. рождения), а также среди их детей (30 человек, 1960–1972 гг. рождения). В процессе исследования использованы психологические методы: наблюдение и интервьюирование, и психофизиологические — аппаратный комплекс Био-мышь, с помощью которого оценивали психофизиологический уровень гомеостаза, адаптационные возможности организма, уровень напряжения и стрессоустойчивости.

Обсуждение результатов

Понятие «трансгенерационные связи» в психологическом пространстве широкую известность приобрело в результате исследований Ан Анселин Шутценбергер, обратившей внимание на тот факт, что доминирующее влияние родителей и окружения на развитие ребенка не является основным серьезным фактором, способным изменить психическую, физическую и социальную жизнь человека [1].

Как известно семья несет в себе все бремя событий, которые произошли с ее представителями во многих поколениях. И как «по наследству», от бабушек и дедушек, через отцов и матерей, детям передаются семейные мифы и готовые сценарии жизни.

Ряд специалистов отмечает, что, уже при рождении и даже до него ребенок получает определенное количество посланий, среди которых основными являются: фамилия, имя, предполагаемые роли, которые семья уже подготовила для своего будущего члена. Эти роли либо ему придется играть, либо избегать, противопоставляя себя семье [1, 2, 3].

По мнению специалистов трансгенерационные проблемы, как правило, возникают в том случае, если родители в детстве пережили травматический опыт, который они не смогли эмоционально обработать и который

поэтому оставался бессознательным. Когда рождается ребенок, родители пытаются сместить эту бессознательную травму на него, что приводит к перегрузке ребенка и, как следствие, к появлению физических симптомов. Когда эти травматические переживания исследуются терапевтом и обсуждаются с родителями, огромная нагрузка снимается с плеч ребенка, и он больше не нуждается в проявлении каких-либо симптомов. Сельма Фрайберг (Selma Fraiberg, 2003) называет неразрешенные, бессознательные травмы родителей «призраками детской» [3].

Ещё одним фактом, осложняющим дальнейшую жизнь ребёнка, является то, что члены семьи примеряют на него чужие роли, личностные качества и поступки предков. Как в сказке, ребенка одаривают «феи-родственники» разнообразными предсказаниями, предписаниями, сценариями будущего. Это может быть сказано явно или же останется невысказанным и будет подразумеваться «по умолчанию» и храниться в строгой тайне. И его жизнь, и смерть, брак или безбрачие, профессия и призвание, будущее станут, таким образом, производной от всего семейного контекста — высказанного или невысказанного.

Возможно, что комплексы и страхи, какие-то экстремальные события жизни человека, образуя внутри него некую голографическую картинку, и не погибают вместе с ним, а передаются его потомкам. Среди специалистов есть мнение, что травма, которая передается по наследству, намного сильнее той, которая получена в своей жизни.

Семейное наследие «призраком» сопровождает новые поколения, формируя «семейный склеп», несущий с собой множество тайн, пополняемые энергией либидо, судьбоносным образом определяет выбор профессии, времяпровождения, увлечений.

Н. Абрахам и М. Тёрёк (1978) расшифровывают понятия «призрак» и «склеп» как некие образования бессознательного, являющиеся результатом передачи бессознательного родителя в бессознательное ребенка [3].

При этом семейная сага остается историей, рассказываемой семьей, в которой перемешаны воспоминания, пропуски, умолчания, добавления, фантазия и реальность. Для детей, воспитанных в такой семье, все они имеют психическую реальность.

Груз семейной истории, передаваемый из поколения в поколение весьма специфичен в семьях детей войны.

Тема «Дети войны» остается в нашем сознании актуальной до сих пор и связана с великими потерями

и страданиями, которые пережил в то время советский народ и народы Европы.

Что же касается тех, кто в период военных действий был ребенком и был вынужден переживать происходящую действительность доступными для них способами, то важным является рассмотрение вопроса: «Что именно фиксировало психическое пространство ребёнка в этой травматической ситуации, и почему именно эти события остались в памяти на всю жизнь?». Анализ этой информации является значимым не только для понимания психических реакций этих детей в экстремальной ситуации такого рода, но и является материалом для анализа трансгенерационных особенностей их потомков (детей и внуков).

Воспоминания детей войны разнообразны и характеризуются избытком подробностей, которые они смогли пронести в памяти через всю свою жизнь. Так один пожилой мужчина очень подробно рассказывал о цвете обоев в квартире, где они жили с мамой, тётёй и двоюродным братом в блокадном Ленинграде. Мама и тётя целый день работали, а мальчики четырех и пяти лет оставались одни дома. Голод не унимался ни на минуту, детям совсем не хотелось играть и баловаться. Все мысли были только о еде. Тут мальчики вспомнили, что клей на обоях был сварен из крахмала. Они стали сдирать обои со стен и вылизывать их. К вечеру, когда мать вернулась из госпиталя, где она работала, дети с раздутыми животами уже лежали на полу практически без признаков жизни. Их спасли врачи госпиталя, подробности своего спасения рассказчик не помнит, а цвет обоев — да. Помнит он и бомбёжку, которая была в тот момент, когда их вывозили через Ладожское озеро на Большую Землю, точнее помнит тот страх, который охватил всех и его тоже.

Его следующее воспоминание связано с Ташкентом, куда семью вывезли в эвакуацию. Очень яркие воспоминания о еде (конечно, о чем он может вспоминать после голода блокады!), в частности о дынях, описание запаха и вкуса таковы, как может описывать лишь человек, насладившийся этим вкусом, смакуя каждый кусочек медленно и пытаясь испытать всю гамму чувств.

Другое воспоминание — женщины, которая помнит себя уже в послевоенные годы, возраст тот же — пять лет. Поволжье, только закончилась война, голод. Она с братом и мамой живут на окраине села. Мать уходит на работу рано, целый день дети одни, рядом лес, в котором бродят голодные волки. Если мать не успевала зимой засветло вернуться домой, то оставалась ночевать на работе, так как боялась волков. Дети ночевали одни. Страх ночи женщина описывала так: «Ночью мы забирались с братом (брату 4 года) на печку и там сидели до утра. Если приходили волки, то они становились лапами на окно и рычали, а их глаза светились красны-

ми огоньками». Были ли волки в окне на самом деле или девочка с помощью этих фантазий так переживала отсутствие матери рядом, трудно сказать, но каждый раз, когда беседа касалась темы войны, то эти картины её память представляла первыми.

Очень яркое воспоминание связано с едой, а точнее с хлебом. Женщина очень хорошо помнит то время, когда отменили карточки, и хлеб можно было есть вдоволь. Помнит цвет платья, в котором она вышла на улицу с корочкой хлеба и демонстрировала всем эту корочку черного хлеба, словно это было наивкуснейшее пирожное. Помнит, что ещё долго перед сном кусочек хлеба прятала под подушкой, и это составляло её огромное счастье.

Еще один пример из далекого 1946 года. В Ленинград для восстановления разрушенного города привезли пленных немецких солдат и офицеров. Их вели по улицам, и горожане мрачно наблюдали за этим шествием, стоя на обочине. Среди них был одиннадцатилетний мальчик и его соседка, у которой на войне погиб единственный сын. Вдруг она убежала домой, мальчик на минуту подумал, что эта ситуация для неё стала невыносимой. Но женщина вернулась, держа в руке кусок хлеба. Она подошла к идущим немцам и отдала одному из них хлеб. Поступок этой женщины на всю жизнь сохранился в памяти мальчика.

Все представленные примеры имеют общую особенность — напрямую о войне не говорил ни один из вспоминающих своё детство, все представленные воспоминания были связаны с событиями, имеющими высокую эмоциональную заряженность, и связаны с событиями, к которым эти дети имели непосредственное отношение. Что же касается их собственных детей, то все респонденты были едины во мнении, что у их детей было счастливое детство, лишённое каких-либо психологических травм и сложностей.

Психофизиологическое обследование детей войны показало высокий уровень тревожности и в тоже время высокую адаптационную способность вегетативной нервной системы и устойчивость к нервному напряжению.

Интервьюирование представителей следующего поколения показало целый ряд общих особенностей. Так, по нашему мнению, это поколения детей, вынужденно ставших родителями собственных родителей. То есть установлена ярко выраженная парентификация. Считаем, что это явление — неотъемлемый элемент трансгенерационной передачи в семьях детей войны.

Недолюбленные, не получившие тепла дети войны продуцируют вокруг себя мощное поле беспомощности

такой силы, что не откликнуться становится невозможно. Поэтому дети второго поколения стали самостоятельны, с чувством постоянной ответственности за родителей.

Обобщение особенностей детства тех, кому в настоящее время 45–55 лет показывает, что эти дети имели широкую самостоятельность. Очень показательны воспоминания о детстве: «Я ничего у родителей не просила, всегда понимала, что денег мало, старалась как-то зашить, обойтись», «Я один раз очень сильно ударился головой в школе, было плохо, тошнило, но маме не сказал — боялся расстроить. Видимо, было сотрясение, и последствия есть до сих пор», «Я очень по отцу тосковал, даже плакал потихоньку. Но маме говорил, что мне хорошо и без него, что жить вдвоем с мамой намного лучше. Она очень злилась на него после развода».

И это все вполне благополучные семьи. Бывало и так, что дети искали пьяных отцов по канavam и на себе при- таскивали домой, а мамочку снимали со стула, который она ставила к окну, чтобы сброситься из него или таблеток от нее прятали (и это в возрасте восьми лет!).

Дети становились посредниками, миротворцами, они были всегда готовы сделать все на свете, чтобы помирить родителей. Они были научены жизнью не жаловаться, научились предвидеть, сглаживать конфликтные ситуации, разряжать обстановку. Быть всегда бдительным, присматривать за семьей.

Нами отмечен в ряде семей другой вариант внутри- семейных отношений. В этом случае ребенок начинает в достаточно агрессивной форме презентировать свои собственные желания, о которых родители (как правило) ничего не знали. Эти желания ребенка идут вразрез с их собственными жизненными ценностями родителей.

Сложности возникают и позже, по мере взросления ребёнка, когда необходимая сепарация становится невозможной. Выбор очень не простой: отделиться — и это «убьет» родителей, или остаться и умереть как личности самому.

Впрочем, даже если взрослый ребёнок остаётся в родительской семье, то проблема не решится, родители все время будут говорить, что нужно устраивать собственную жизнь, и что ты все делаешь не так, нехорошо и неправильно, иначе уже давно была бы своя семья. При появлении любого кандидата он, естественно, оказывался бы никуда не годным, и против него начиналась бы долгая подспудная война до победного конца.

Еще раз необходимо обратить внимание на то, что все участвовавшие в исследовании дети войны воспринимали детство своих детей как вполне хорошее. Дети

любимы (в том смысле, которым наполняют его сами родители), родители живы, жизнь вполне благополучная. Счастливое детство без голода, эпидемий, войны и всего такого. Ну, почти счастливое.

Однако при этом детстве тоже было много проблем (советский детский сад, часто с пятидневкой, школа, лагеря и т.д.). И насилия там было немало, и унижений, а родители-то беспомощные, защитить не могли. Или даже на самом деле могли бы, но дети к ним не обращались, берегли.

Как известно, ребенок не критичен, он не может здраво оценить реальное положение дел. Он склонен к сильному преувеличению событий, возникающих в реальности, и всегда готов принести себя в жертву. Так же, как дети войны приняли обычную усталость и горе за нелюбовь, так и их дети принимали некоторую невзрослость родителей за полную уязвимость и беспомощность.

Таким образом, второе поколение стало поколением тревоги, вины, гиперответственности. Именно эти люди сейчас успешны в самых разных областях, именно они умеют договариваться и учитывать разные точки зрения. Предвидеть, быть бдительными, принимать решения самостоятельно, не ждать помощи извне — сильные стороны. Беречь, заботиться, опекать.

Но есть у гиперответственности, как у всякого «гипер», и другая сторона. Если внутреннему ребенку военных детей не хватало любви и безопасности, этому поколению не хватило детскости, беззаботности. А внутренний ребенок — от своего никогда не откажется, он доберёт всё, что недополучил. И берет. Именно у людей этого поколения часто наблюдается «агрессивно-пассивное поведение». Это значит, что в ситуации «надо, но не хочется» человек не протестует открыто: «не хочу и не буду!», но и не смиряется «ну, надо, так надо».

Часто люди этого поколения при интервьюировании отмечали, что ощущают себя старше окружающих, даже пожилых людей. И при этом сами не чувствуют себя «вполне взрослыми», нет «ощущения зрелости». Молодость как-то прыжком переходит в пожилой возраст.

Еще заметно сказываются последствия «слияния» с родителями, полное отсутствие каких-либо границ, так называемая «жизнь жизнью другого». Многие вспоминают, что в детстве родители (бабушки) не терпели закрытых дверей: «Ты что, что-то скрываешь?». А врезать в свою дверь защелку было равносильно «плевать в лицо матери». Ну, о том, что нормально проверить карманы, стол, портфель и прочесть личный дневник... Редко какие родители считали это неприемлемым. На самом деле речь идет о том, что в слиянии с ребенком родите-

ли проживали свое «счастливое детство», которое было невозможно прожить во время войны.

Родители испытывали к своим детям амбивалентные чувства, ребенок одновременно становился любимым и ненавидимым своими родителями, проектом желаний и объектом невероятной злости. Представители второго поколения отмечают, что родители упрекали их в успехах и демонстрировали при этом вспышки зависти. Ребенку приходится платить, а платой становится бесконечная благодарность. Родители проявляли злость к счастью ребенка и при этом вели тотальный контроль над всем, что происходило в жизни их детей.

Одна взрослая женщина вспоминает как прятала свой дневник между подушками дивана, чтобы не нашла мать. Но в один из дней её дневник был найден, и мать взяла его на работу и читала своим коллегам стихи своей дочери, написанные в этом дневнике. Это ли не пренебрежение к границам другого человека?!

Про сад и школу вообще очень много воспоминаний «взрослых детей» второго поколения, одни туалеты чего стоили, какие границы...

Вспоминает мужчина 46 лет: «Я отказывался спать в садике, шумел и смеялся вместе с моим другом, кровать которого была рядом. Воспитательница кричала на нас и, раздев обоих до гола, заставляла стоять на кроватях до конца тихого час. Помню, как мне было очень холодно и страшно».

В результате дети, выросшие в ситуации постоянного нарушения границ, потом блюдут эти границы сверхрвностно. У большинства опрошенных второго поколения отмечено, что они редко ходят в гости и редко приглашают к себе, не ночуют в гостях, не знают соседей и не хотят знать. Мучительно переносят любое вынужденное соседство (например, в купе, в номере гостиницы), потому что не знают, не умеют ставить границы легко и естественно, получая при этом удовольствие от общения.

Большинство из них и сейчас еще в сложных отношениях со своими родителями (или их памятью), у многих не получилось с прочным браком, или получилось не с первой попытки, а только после отделения (внутреннего) от родителей.

И вот у второго поколения появляются свои дети, трансгенерационная программа передается дальше.

Часто первый ребенок появлялся в быстротечном юношеском браке, воспроизводилась родительская модель. Потом ребенок отдавался полностью или частично бабушке в виде «откупа», а мама получала шанс

отделиться и начать жить своей жизнью. Кроме идеи утешить бабушку, здесь еще играет роль многократно слышанное в детстве «я на тебя жизнь положила». То есть люди выросли с установкой, что растить ребенка, даже одного — это нечто нереально сложное и героическое. Часто приходится слышать воспоминания, как тяжело было с первенцем. Даже у тех, кто уже имел возможность пользоваться всеми современными благами цивилизации.

При этом второе поколение имеет четкие родительские установки о том, что на ребенка нужно «положить жизнь, ограничить при этом все свои интересы и желания, угробить здоровье». Эта директива заставляет мать избегать ребенка. В результате она даже находясь с ребенком, почти с ним не общается, а он сталкивается с собственной тоской и нехваткой эмоционального общения, материнской любви.

Следующий шаг, который нами также отмечен как типичный — это появление в семье няни, которая берет на себя материнские функции. В результате, как только ребенок к ней привыкает, и она становится для него значимым лицом, сразу же возникает материнская ревность и няня изгоняется из семьи. В итоге — депривированный, недолюбленный ребенок, который по своим психическим ощущениям похож на своих бабушек и дедушек — детей войны, с одной лишь разницей, что нет травмирующего фактора — войны.

Опрос родителей, в чьих семьях были няни показал, что у большинства из них дети имели неврозы, с различными клиническими проявлениями, в том числе неврозы навязчивых состояний, истерические неврозы.

У другой части родителей второго поколения «психологические качели» поднимаются в противоположную сторону. Это коварная установка гиперответственных: все должно быть «правильно». Рано освоившие родительскую роль представители второго поколения часто бывают помешаны на сознательном родительстве, которое обеспечивает гиперопеку, постоянную тревогу и бесконечный контроль над ребенком.

Таким образом, установлено, что если поколение детей войны было уверено, что они — прекрасные родители и, что у их детей счастливое детство, то поколение их детей тотально испытывает «родительский невроз». Они уверены, что мало «занимались» своими детьми.

Психофизиологические показатели также имели схожие результаты у всех представителей второго поколения. Уровень тревожности значительно превышал нормативные данные, по вегетативным показателям установлена высокая лабильность, но при этом способ-

ность переживать длительный стресс на высоком уровне тревожности.

Заключение

Анализ полученных в процессе исследования данных показал, что дети войны в течение всей жизни сохраняют инфантильные признаки, свойственные ребенку, проецируя в собственных детей родительские функции. При этом психофизиологически они достаточно устойчивы и не склонны к длительному переживанию стресса. В то же время их дети используют стресс

как постоянно действующий элемент повседневной жизни, который поддерживает их уровень тревожности и актуализирует «родительскую» функцию над функцией «взрослого».

Важным результатом проведенных исследований является тот факт, что процесс интервьюирования позволил представителям второго поколения не только осмыслить и принять семейную историю, но и сделать попытку к когнитивному противостоянию негативным фактам трансгенерационной передачи и снятию ее аффективного заряда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. — М.: Психотерапии, 2011. — 256 с.
2. Петренко Е. Н. Лояльность к семейному наследию // Вестник интегративной психологии. — Ярославль; М., 2008. — С. 148–151.
3. Selma Fraiberg, Whith Edna Adelson and Vivian Shapiro «Ghosts in the Nursery: A Psychoanalytic Approach to the Problems of Impaired Infant-Mother Relationships», *Clinical Studies in Infant Mental Health*, 1980. — 210 p.
4. Ainsworth, M., Bleher, M. C., Waters, E., Wall, S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M. Ainsworth, M. C. Blehar, E. Waters, S. Wall. — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978—365 p.

© Тинькова Елена Львовна (tinkovae@mail.ru), Катилевская Юлия Александровна (za_yulia@mail.ru),
Носенко Мария Александровна (tashazest@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Ставропольский государственный педагогический институт